

A romantic couple is shown in profile, kissing. The woman has a crown of pink cherry blossoms in her hair. They are set against a backdrop of a large, glowing full moon and a sky filled with falling cherry blossom petals. The overall mood is dreamy and romantic.

ОПУТАННАЯ
ЛУНЫМ
СВЕТОМ:
БЕЗ ВОЛКА

Lenaleia
**Опутанная лунным
светом: Без волка**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74061692

0101

Содержание

Глава 1. Ава: Грей, дефект стаи	4
Глава 2. Ава: Приглашение	13
Глава 3. Ава: Опасность	20
Глава 4. Ава: Планирование	29
Глава 5. Ава: Гала (1)	35
Глава 6. Лукас: Гала (2)	47
Глава 7. Лукас: Гала (3)	52
Глава 8. Ава: Гала (капельница)	57
Глава 9. Лукас: Гала (5)	65
Глава 10. Ава: Свобода	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Опутанная лунным светом: Без волка

Глава 1. Ава: Грей, дефект стаи

Примечание автора: первые две главы были полностью переработаны для вашего удобства. Приятного чтения. [28 мая 2024]

Что делать, когда твоя стая – твоя семья – решила, что ты ни на что не годишься?

Найти работу.

Копить деньги.

Мечтать свалить оттуда к чертям.

Это тщетная надежда, но только она и помогает мне держаться.

А до тех пор? Я – это просто я. Ава Грей. Безволчья. Слабая. Позор семьи Грей.

Именно поэтому я провожу очередной пятничный вечер на работе в «Бинивёрсе», популярной кофейне в центре Уайт-Пика, в добром часе езды от земель стаи. Никаких оборотней, никакой драмы, никакой травли. Единственные, с кем я тут сталкиваюсь целыми днями, – это люди с кофейновой зависимостью. Или зависимостью от соцсетей. Народ

обожает использовать наше лобби как фон для своих очередных рилсов.

– Пойдем сегодня куда-нибудь со мной.

Лиза просовывает голову в мое поле зрения, пока я протираю эспрессо-машину.

Кроме зарплаты, меня мало что держит на этой работе, но из-за нее это мое любимое место. Лиза – моя лучшая подруга – ладно, единственная подруга – и она заставляет меня мечтать о чем-то большем, чем стая Блэквуд и мое туманное будущее в ней.

– Не могу. Папа велел мне быть дома как можно скорее.

Гримаса, исказившая ее лицо, вызывает у меня в груди тепло. Хоть кто-то меня понимает.

Пусть она и человек и понятия не имеет, что я из семьи волков.

Папа – бета нашей стаи и мастер коротких сообщений с требованием явиться домой – разрешил мне устроиться на работу только потому, что, я уверена, устал видеть меня дома.

А еще потому, что каждый цент с моей зарплаты, не ушедший на бензин, шел в счет тысячи долларов, которую я заняла на свою старую развалюху «Таурус» на парковке. Это моя детка, и я ее обожаю, но еще один странный чих – и я разобьюсь на шоссе.

И все же та малая толика свободы, которую она мне дает, того стоит.

Все что угодно лучше, чем быть дома.

– Тебе просто нужно съехать. Мы могли бы снять квартиру вместе и тусоваться всю ночь. – Лиза говорит это почти каждый наш рабочий день, и мне это никогда не надоедает. Я тоже хочу такую жизнь. Мне даже тусовки не нужны. Я просто хочу сбежать от своей стаи.

Но оборотни-волки не отпускают своих просто так. Даже безволчьих дефективных, вроде меня.

Я поправляю очки на переносице, ненавидя, как они сползают. Мне, наверное, нужен новый рецепт, но у меня не было ни времени, ни лишних денег, чтобы этим заняться. Я до сих пор ношу те же очки, что купила мне мама (к ее большому отвращению) несколько лет назад.

Это как неоновая вывеска с надписью: «Ей среди нас не место».

Ни у одного оборотня не бывает плохого зрения. Это как дар от наших волков.

Вот только у меня нет волка.

Я швыряю в нее грязное полотенце и смотрю, как она взвизгивает и отскакивает. – Если бы могла, так бы и сделала, ты же знаешь. Разве ты не должна пополнять запас стаканчиков? Наш вечерний наплыв посетителей начнется с минуты на минуту.

– Ладно, ладно, но я все равно считаю, что один раз послать его к черту не повредит. Может, это научит твоих родителей, что ты уже взрослая, и они не могут тебя контро-

лировать.

Хах.

Этому не бывать.

Папа – бета стаи. Даже если бы он признал меня независимой и взрослой, мне бы все равно пришлось делать то, что он говорит. В стае выше него только наш альфа – тоже не тот, кому мне хотелось бы переходить дорогу каждый день.

– Это культурная особенность, – бормочу я, и она оставляет эту тему. На время.

Лиза к этому вернется. Она всегда возвращается. Она показывала мне квартиры в аренду, составляла пробные бюджеты, даже обсуждала наши учебные расписания. Лиза напориста, но в самом милом смысле: она просто отчаянно хочет, чтобы я стала независимой.

Она первая заметила, как моя семья меня контролирует.

Первая, кому было не все равно.

Первая, кто произнес слова, которые я до сих пор не могу признать вслух.

– Твоя семья жестоко с тобой обращается. Кто, черт возьми, так поступает?

Когда-то моя семья меня любила. До того, как я достигла совершеннолетия и они поняли, что у меня совсем нет волка.

У меня есть теплые воспоминания. Светлые воспоминания. Воспоминания, которые я достаю по ночам, в самые тяжелые моменты. Воспоминания о маме, которая улыбалась, смеялась и качала меня, когда я плакала. Воспоминания о

папе, который подбрасывал меня на плечи и говорил, что я могу дотянуться до звезд. Воспоминания о Джессе и Фениксе, которые называли меня своей младшей сестренкой и с гордостью показывали всем, кого видели.

Хорошие времена.

Ушедшие времена.

Может, было бы не так больно, если бы я никогда не знала их любви. Может, было бы не так больно, если бы она не... исчезла. Если бы голубые глаза мамы не сменили теплоту летнего озера на холод зимнего неба. Если бы папа не вышвырнул меня в лес без одежды, еды и укрытия, велел выживать. Что трудности принесут мне то, чего я хотела больше всего, чего мне не хватало.

Моего волка.

Спойлер: не сработало. Он до сих пор злится из-за этого.

Уход с работы после закрытия – это всегда целое представление на парковке. Лиза никогда не уезжает, пока я благополучно не выберусь на дорогу. Отчасти она боится, что моя машина сломается (и, честно говоря, я тоже этого боюсь), а отчасти беспокоится, что меня могут ограбить.

Когда несколько месяцев назад я указала ей, что с ней может случиться то же самое, она схватила меня за руку и серьезно сказала: «Ты бы мне помогла. Так что и я тебе помогу».

Я ее обожаю.

Меня немного гложет вина, что даже своей единственной подруге, готовой за меня в огонь и в воду, я до сих пор не призналась, что я оборотень. Я не объяснила ей, что я из местной стаи.

Она просто думает, что в моей обычной человеческой семье мной пренебрегают и жестоко со мной обращаются, и мне приходится как минимум дважды в неделю отговаривать ее от звонка в полицию. Особенно когда я прихожу с новыми синяками.

Все равно они бы ничего не смогли сделать.

У стаи свои законы. Никакая часть правительства не станет вмешиваться в дела стаи.

Честно говоря, единственный способ гарантированно сбежать от семьи и стаи – это найти своего предначертанного партнёра в другой. Я мечтаю об этом – мы все мечтаем. Это фантазия, от которой я не могу отказаться.

Но иногда больно даже думать о такой возможности, потому что всегда есть шанс, что у меня нет предначертанного партнёра.

Или, что еще хуже, что моя жизнь в новой стае будет такой же, как здесь.

Ночной воздух теплее обычного для начала весны, но ветерок доносит свежий запах дождя, говоря о грядущем похолодании.

Пейзаж меняется: яркая, искусственно освещенная торговая улица сменяется тихими кварталами Уайт-Пика, где

лишь изредка, через квартал, горит уличный фонарь. В конце концов, эти здания уступают место неосвещенной проселочной дороге, ведущей на территорию стаи Блэквуд.

Дорога знакома, я ездила по ней бесчисленное количество раз, но сегодня вечером она кажется другой.

Под растущим месяцем темнее обычного. Деревья, кажется, смыкаются надо мной, отбрасывая на дорогу длинные тени. Я крепче сжимаю руль, проезжая по изгибам и поворотам, и чувствую, как тревога извивается у меня в животе, словно рыбка, мечущаяся в кишасших акулами водах.

Тишина в машине ощутима, почти удушающая. Каждые несколько секунд мой взгляд мечется к зеркалу заднего вида, словно я ожидаю увидеть светящиеся глаза или тени, тающиеся в темноте позади.

Быть дефектом стаи – значит быть и боксерской грушей для стаи. Одно из любимых развлечений молодых волков – охота на безволчьих.

На людей им нападать нельзя. Единственный случай, когда правительство может угрожать нашему убежищу, – это когда мы причиняем вред людям.

Но они могут взяться за вторую лучшую цель.

За меня.

Дрожь пробегает по позвоночнику и рукам – знакомая реакция на всплывающие в голове воспоминания о боли, которую помнит мое тело.

Мои руки дергаются на руле, когда в свете дальних фар

проносится огромная фигура.

– Черт!

Я бью по тормозам, мою машину заносит на темной дороге. Визжат шины. В нос ударяет вонь горелой резины. Моя голова дергается вперед и бьется о руль, когда машину разворачивает и она останавливается.

– Черт...

Я стону, зажмуриваясь от пульсирующей боли в голове. Перед закрытыми глазами вспыхивают звезды. Рот наполняется медный привкус крови.

Должно быть, прикусила язык.

Черт. Обычно они ждут, пока я доберусь до дома, чтобы загнать меня в угол. Так откровенно докапываться до меня на дороге – это что-то новенькое.

Руки дрожат, пока я вглядываюсь в треснувшее лобовое стекло. Дорога впереди пуста. Ни следа того, что пробежало перед моей машиной.

Вероятность того, что это был кто-то, кроме волка из стаи Блэквуд, примерно нулевая.

Я с трудом сглатываю, сердце колотится о ребра. Мне нужно домой.

По крайней мере, там, даже если меня избыют до полусмерти, мама с папой вызовут целителя, когда все станет совсем плохо. Они уже так делали.

Наверное, потому что не хотят терять свою бесплатную служанку, но мне нравится думать, что им хоть немного не

все равно.

Мне нужно убираться отсюда. Сейчас же. Пока они не вернулись.

Я тянусь к ключам, все еще торчащим в замке зажигания. Боль пронзает правое запястье, и я шиплю, прижимая его к груди. Должно быть, растянула его в аварии. Черт.

Стиснув зубы, я поворачиваю ключ левой рукой. Двигатель чихает и глохнет. Я пробую снова. И снова. Каждый раз в ответ раздается тот же жалкий скулеж.

– Нет-нет-нет, давай же... – В моем голосе просачивается отчаяние. – Пожалуйста...

Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида, почти ожидая, что из темноты появятся светящиеся глаза. Мое дыхание становится прерывистым, паника сжимает легкие.

Я здесь – легкая мишень. Кролик, съжившийся на открытом пространстве, просто ждущий, когда челюсти волков сомкнутся вокруг меня.

Треск сломанной ветки заставляет меня вздрогнуть, из горла вырывается всхлип. Я медленно поворачиваюсь, и ужас переворачивается в животе, пока я всматриваюсь в окно со стороны водителя.

И тут я их вижу. Две точки жуткого желтого света, застывшие на опушке леса.

Следят за мной.

Глава 2. Ава: Приглашение

Глаза следят за мной из тени, немигающие. Неотрывные.

Черт, черт, черт.

Мои руки дрожат, пока я снова поворачиваю ключ. Двигатель пыхтит, кашляет. Пожалуйста. Пожалуйста, заведись. Я не могу умереть здесь. Не так.

Еще один поворот. Визг. Пыхтение.

Волк выходит из-за кромки деревьев, огромный и угрожающий. Его шерсть сливается с ночью, призрак смерти и мучений.

В темноте я не могу разглядеть никаких отличительных черт. Невозможно понять, кто из моих мучителей пришел за мной сегодня ночью.

Двигатель с ревом оживает. Слава Богу.

Я вжимаю педаль газа в пол, и шины визжат по асфальту, пока я мчусь по дороге. Мое сердце колотится о ребра, кровь стучит в ушах.

В зеркале заднего вида я вижу, как волк преследует меня. Он не отстает от машины, пока я петляю по извилистым дорогам.

Он воет, и этот вой – обещание боли.

Это все знакомая, отвратительная игра. Я ее ненавижу. Я никогда не знаю, когда она начнется; когда кому-то станет достаточно скучно, чтобы ее затеять.

Правда, она никогда не заканчивается хорошо. Не для меня.

В поле зрения появляются улицы моего района. Мама и папа не спасут меня, даже если меня будут резать на лужайке перед домом, но если я смогу попасть внутрь – это уже другое дело.

Никто не смеет проявить неуважение к дому беты.

Я кое-как втискиваюсь на парковочное место, машина дергается и замирает. Руки трясутся, пока я неуклюже ищу ключи, дважды роняю их, прежде чем наконец ухватиться.

Мне просто нужно попасть внутрь.

Распахнув дверцу машины, я выбираюсь наружу на дрожащих ногах. Ключи звенят в моей руке, пока я, спотыкаясь, иду к входной двери.

Почти на месте. Почти...

Я чувствую запах мокрой шерсти. И ярости.

Я резко оборачиваюсь, сжимая ключи до побелевших костяшек. Мое сердце замирает.

Волк стоит всего в нескольких шагах, оскалив пасть. С его кинжалоподобных клыков капает слюна. Его рыжевато-коричневая шерсть говорит мне все, что нужно знать о его личности.

Тодд.

Он любит мучить меня, и так было всегда.

Но он лишь наблюдает, как я нащупываю дверь за спиной, поворачиваюсь и врываюсь внутрь.

Сегодняшняя ночь – это отсрочка; я ее принимаю.

Заперев за собой дверь, я на мгновение сокрушаюсь о повреждениях моей машины. Понятия не имею, сколько будет стоить ремонт треснувшего лобового стекла; это поглотит часть сбережений, которые я так кропотливо собирала.

Проклятье.

«Ава. Подойди».

Ох. Расправив плечи, я иду к родителям, и тревожные бабочки порхают у меня в животе.

Папа, конечно же, ничего не говорит о волке на улице. Ему плевать. Он прекрасно знает, что они со мной делают; до тех пор, пока это не происходит у него на глазах и ему не приходится с этим разбираться, он и слова не скажет.

Папа сидит в своем любимом кресле, с непроницаемым, как всегда, выражением лица. Мама стоит за его спиной, ее неодобрительный взгляд направлен мне через плечо. Я не помню, когда мы в последний раз встречались взглядами, если не считать тех случаев, когда она меня отчитывала.

Я склоняю голову, входя в комнату, и устремляю взгляд на его грязные ботинки.

Я не утруждаю себя приветствием. Все, что он хочет видеть – это мою покорность. Слова – пустая трата времени, когда они исходят от самого низкорангового члена нашей стаи.

Никто из них не говорит ни слова, пока я баюкаю свое запястье; они слепы к любым моим травмам или болезням.

Он прочищает горло. «В этом году ты пойдешь на Лунный

Гала. Надеюсь, у тебя достаточно денег с твоей... работы, чтобы одеться для такого случая подобающим образом. Будь благодарна, что наш Альфа позволил тебе такую роскошь».

От шока у меня покалывает в ладонях, и холод пронизывает все тело, вытесняя тревогу и впиваясь прямо в мозг. Что?

Мое сердце пропускает удар, стучит чуть сильнее, а затем пропускает еще один. Лунный Гала. Я не была на нем последние два года.

Гала – это большое событие, охватывающее все Северо-западные территории. Туда съезжаются одинокие волки в надежде найти свои истинные пары.

Формально, Гала – это способ расслабиться после того, как Северо-Западный Совет собирается и обсуждает свою политику стай, но в действительности Лунный Гала – это скорее бал для поиска пар. Союзы заключаются, когда высокопоставленные оборотни соединяются узами с представителями других стай, привнося новую кровь.

Странно, что стая Блэквуд собирается на него в этом году. Даже Джесса ни разу там не была; исторически наша стая его избегала. Официальная версия гласит, что между нашим и несколькими другими альфами плохие отношения, но я сомневаюсь, что проблема в других стаях.

Раздражение папы из-за необходимости ехать туда ощутимо витает в комнате, и я рискую бросить быстрый взгляд вверх. Он смотрит поверх моей головы, даже не на меня,

словно я недостойна его внимания.

Он морщит нос, будто почувствовал какой-то отвратительный запах, но, конечно же, ничего нет. Только я. «Там будут Феникс и Джесса, так что постарайся не опозорить нас».

И вот так просто он уходит. Больше никаких объяснений. Просто бета, раздающий приказы и ожидающий, что все само собой устроится.

Я изо всех сил стараюсь сохранять бесстрастное выражение лица, но внутри я вся дрожу от восторга при мысли о том, что покину это место, пусть даже всего на одну ночь.

Лунный Гала – это шанс сбежать, вздохнуть полной грудью вдаль от этой удушающей динамики стаи. Но я знаю, что лучше не показывать своих истинных чувств.

Тут вперед выходит мама, и от ее голоса у меня по рукам бегут мурашки. Затылок покалывает от силы ее пренебрежения.

«Хотя бы постарайся не вести себя как полная пария, Ава», – наконец говорит она, словно ей было трудно вообще подобрать слова.

Я смотрю себе под ноги, борясь с желанием подойти ближе к аромату жасмина и меда, которым от нее пахнет. Часть меня так хочет, чтобы он окутал меня, как в детстве, когда у меня была мать, которая обнимала меня и ласково шептала на ухо.

«Конечно», – отвечаю я, мой голос тише мышиного писка.

Ее отстраненность ранит гораздо сильнее, чем папина. «Я буду вести себя подобающе». Похоже, они заинтересованы в том, чтобы Феникс и Джесса нашли себе пару.

Не я, конечно.

Я понятия не имею, зачем я еду, но у меня такое чувство, что это не более чем пиар-ход.

Мама вздыхает, натягивая на свое изящное лицо маску терпения. Она делает движение, словно хочет похлопать меня по плечу, но ее рука так и не касается меня – лишь замирает в воздухе, достаточно близко, чтобы я ощутила тепло ее тела, но не могла прикоснуться к нему.

«Джесса сводит тебя по магазинам. Сделай что-нибудь с волосами. Купи что-нибудь приличное. У тебя ведь хватит денег из той... кофейни, не так ли?»

Конечно. Они бы никогда не потратили на меня деньги.

«Да, мама».

Она морщится. «Не покупай дешевку. Помни, что ты представляешь нашу семью. И ради меня постарайся обойтись без синяков на видных местах. Из-за тебя наша стая будет выглядеть дикой».

На этом все, и она уходит, оставляя за собой шлейф духов и отвержения.

Несмотря на привычную пытку – желать любви от семьи, которая когда-то меня любила, – мое сердце колотится в предвкушении. Волнение. Страх.

Лунный Гала – редкий шанс для меня испытать что-то за

пределами этого удушающего мира.

Может, я хоть мельком увижу, какой может быть жизнь за пределами железной хватки стаи. Может, я найду пару и уеду отсюда. Может, все изменится.

Разве так уж плохо так думать?

Глава 3. Ава: Опасность

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Впереди чувствительный контент.]

Дни проходят, почти не обращая внимания на тревогу, растущую в моём животе каждый раз, когда я заползаю в постель ночью, наблюдая за фазами луны и размышляя, как будет выглядеть эта новая глава моей жизни.

Не считая короткой вылазки за покупками с Джессой – которая почти всё время меня игнорирует и насмехается над каждым платьем, которое я примеряю – я не выхожу из дома, кроме как в школу и на работу, пытаюсь избегать неприятностей.

Я использую каждую свободную минуту, чтобы взять дополнительные смены в Бинивёрс, чтобы помочь оплатить ужасный счёт из торгового центра. Кто тратит триста долларов на платье? Но Джесса настаивала, что это было единственное платье, в котором я не выглядела так, будто надела шелковый мешок из-под картошки.

Лиза тоже занята, поэтому наша переписка редка, в основном мы жалуемся на работу и учёбу.

Безразличие моей семьи давит на меня, как толстое одеяло, но под ним прорастает крошечный росток надежды – может быть, только может быть, я доживу до гала-концер-

та без происшествий. До события, которое может изменить мою жизнь или, что не менее вероятно, подтвердить мой статус изгоя, остаётся всего неделя.

Сегодня, как и все последние две недели, кажется очередным днём тревожного спокойствия, когда я еду домой после занятий с продуктами на пассажирском сиденье.

Феникс заедет на ужин, поэтому в меню его любимые блюда – сливочная курица, запечённая с чесноком и пармезаном, в сочетании с брюссельской капустой, обёрнутой беконом и сбрызнутой кленовым сиропом с бальзамическим уксусом.

Звучит более изысканно, чем есть на самом деле, но это действительно вкусно, благодаря рецептам из интернета, которые я нашла много лет назад.

Как назначенному наследнику альфы стаи Блэквуд, мама всегда суетится вокруг Феникса. Папа был достаточно счастлив, что у него родился сын с потенциалом альфы, но когда последний сын Альфы Ренара был убит в небольшой стычке с волками-отступниками, и Феникс был назначен наследником, он важничал, скорее как павлин, чем как волк, по крайней мере, месяц после этого.

Однажды он станет Альфой Фениксом Блэквудом, но пока он всё ещё Грей.

Я жонглирую хлипкими пластиковыми пакетами с продуктами с грацией умирающего оленёнка, пробираясь в пустой дом.

Спокойствие последних нескольких недель, должно быть,

разложило сферу самосохранения в моём мозгу, потому что я не обращаю никакого внимания на окружение, открывая входную дверь и заходя внутрь.

Когда я делаю шаг дальше, ветерок щекочет мою шею, и дверь захлопывается с силой, которая может означать только неприятности, принося знакомый и нежеланный запах в мой нос.

Тодд Мейсон, мой детский обидчик и вечный мучитель, здесь. Внутри. Со мной. Прямо сейчас.

Готовый закончить то, что он начал пару недель назад.

Он стоит прямо у входа в мой дом, его лицо искривлено в усмешке, от которой холодеет позвоночник. Я даже не могу отступить, пока мой мозг пытается осознать ситуацию, наблюдая, как он тянется за спину, чтобы запереть дверь.

"Я слышал, ты играешь в принцессу, думаешь, что тебя отправят искать какого-то придурка, который согласится взять тебя в пары". Его голос сочится злобой, когда он делает шаг вперед и хлопает ладонью мне в грудь.

Моя спина ударяется о стену с глухим стуком, и рука Тодда обвивает мою шею, поднимая меня, пока я не встаю на самые кончики пальцев ног.

Все пакеты падают на пол, и на мгновение мой идиотский мозг фокусируется на яблоках, которые глухо стучат о деревянный пол. Они будут в синяках. Нам придётся съесть их быстрее, чем я ожидала.

"Почему ты думаешь, что ты достаточно хороша для га-

ла-концерта, а? Ты думаешь, что сможешь когда-нибудь сбежать из нашей стаи?" Его дыхание горячее и свежее, как тунец, на моём лице, и я отворачиваюсь, испытывая отвращение.

Его другая рука бьёт меня по щеке, заставляя снова повернуться к нему. Он рычит каждое слово, радуясь, как они вонзаются во все мои неуверенности, заставляя истекать кровью все те драгоценные надежды и мечты, которые я хранила в тайне. "Ты действительно веришь, что кто-то захочет тебя? Безволчье уродство вроде тебя? Тебя бы отвергли в мгновение ока".

Моё сердце колотится о рёбра, как птица в ловушке, отчаянно стремящаяся к бегству. Его хватка усиливается в ответ на мою борьбу, и мой рот открывается, когда я начинаю задыхаться.

"Дефективная," шипит он прямо мне в ухо, и я чувствую, как его язык проходит по нему. Я вздрагиваю, желчь поднимается к горлу, делая ещё труднее доставить воздух в горящие лёгкие. Удары кулаками, ногами, царапины – к этому я привыкла. Камни, брошенные в мою голову. Насмешки и издевательства. Но это? Это не та пытка, к которой я привыкла.

Гнев мелькает в моих конечностях, когда я хватаю его за предплечье, царапая длинные, злые полосы на его коже. Я пытаюсь ударить ногой, но он подходит ближе, прижимая мои ноги к стене своим весом. Садистский ублюдок.

"Отвали от меня," шиплю я, дёргая всем телом и стараюсь игнорировать твёрдое доказательство, упирающееся в мой живот, того, насколько он наслаждается этим моментом. "Если останутся синяки, папа будет в ярости. Ты действительно хочешь так разозлить своего бегу?"

Обычно папе наплевать, когда я прихожу домой в синяках, но сейчас гала-концерт уже не за горами. Если его младшая дочь появится вся в синяках, могут возникнуть вопросы.

Тодд колеблется, его пальцы сжимаются вокруг нежной кожи моего горла, и я опускаю глаза. Давным-давно я отказывалась подчиняться, принимая каждое оскорбление и планируя месть. Это было до того, как я узнала, что реальная жизнь совсем не похожа на сказки, на которых нас воспитывают.

Если он ищет подчинения, я могу давать ему это хоть весь день. Всё, что позволит мне дожить до завтра. Всё, что удержит его член в его штанах и подальше от моих.

"Пожалуйста," хнычу я, добавляя в звук небольшое вибрато, как будто хочу заплакать. Я наклоняю голову ещё дальше назад, обнажая шею перед ним.

Тодду это нравится. Его одобрителное рычание вызывает отвращение, содрогающееся в каждом миллиметре моей кожи, и я стараюсь сохранить пустое выражение лица, когда он нюхает меня под левым ухом, облизывая серповидный шрам на моей шее в долгом, медленном мазке слюны и рыбы, на-

мазанной майонезом.

Желчь пытается вырваться из моего тела с силой, но мне каким-то образом удаётся не вырвать ему в лицо.

"Пожалуйста," умоляю я снова, чувствуя, как его пальцы ослабевают лишь немного. Его другая рука падает на мое бедро, притягивая меня ближе, и я закрываю глаза, дыша через рот, чтобы компенсировать металлический привкус за челюстью. "Мне нужно приготовить ужин. Феникс приезжает сегодня вечером".

Боль пронзает меня, когда Тодд кусает моё плечо, его челюсть жёсткая и непреклонная. Визг, который вырывается из меня, выходит из-под контроля, и я шлёпаю его по плечу в отчаянной попытке сбежать, извиваясь в его хватке. "Тодд! Черт! Больно!"

Он хрюкает, наконец отпуская, но не раньше, чем высасывает гребаный засос на моей коже. Он хватает меня за челюсть, глядя мне в глаза, и я понимаю, что игра для него каким-то образом изменилась. Для меня.

Я ожидала избиения, но вместо этого мой мучитель ухмыляется мне с маниакальным удовлетворением. "Ты никогда не покинешь нас, Ава. Ты дефективный кусок дерьма, но ты принадлежишь здесь. Среди наших стай нет принца на белом коне. На гала-концерте тебя ничто не спасёт. Ты скоро станешь нашей маленькой омегой-производительницей, даже без твоей волчицы".

Мой желудок падает к ногам. "Омега... производительни-

ца?"

Он хихикает, сжимая мою челюсть сильнее. "Ты будешь нашей маленькой шлюхой стай, Ава. Даже без волчицы". Облегчение, когда он отпускает, заменяется только ужасом, когда его рука медленно скользит вниз по моей шее, между грудами и мягко упирается в мой живот, надавливая, прежде чем скользнуть немного дальше, чтобы обхватить меня между бёдер и сжать. "Ты больше ни на что не годишься, но по крайней мере мы можем наполнить это маленькими щенками".

Я уже за гранью рвоты. Я даже не чувствую большую часть своего тела. Всё тёмное по краям, но его слова продолжают вползать в моё ухо, яд для всего хорошего внутри меня.

Он держит мои бёдра обеими руками и прижимает свою эрекцию ко мне, твёрдо покачиваясь, покусывая мою челюсть, оставляя след слизи. "Тебе повезло быть красивым маленьким дефектом, Ава. Не будет слишком сложно использовать тебя". Он стонет, раскачиваясь быстрее на мне, обхватывая моими ногами свои бёдра. "Черт, Ава. Я буду разводить тебя, пока ты не узнаешь своё место, ты понимаешь?"

Да, я понимаю.

Трудно не понять, когда он качается, хрюкает и стонет.

Я не думаю, что моё тело вообще ещё моё.

Он тяжело дышит мне в ухо, и я слишком поздно понимаю, что он даёт мне инструкции. Кулак в моём животе воз-

вращает меня в момент, от которого я отчаянно пыталась сбежать в уголке своего сознания. Я концентрируюсь на боли, когда он толкает меня на колени и открывает свои джинсы в судорожных движениях.

"Умоляй меня об этом, Ава," хрипит он, заставляя мою руку обхватить его длину, меньшую, чем я думала, и пахнущую как спортивная сумка, полная грязного белья.

Но затем я слышу знакомый двигатель, и Тодд замирает, наклоня голову, прислушиваясь. Затем он всё равно запикивает всё в мой рот, дёргаясь в неистовом темпе, пока мои губы не лопаются по углам, и я давлюсь, всё моё тело содрогается от силы моего отторжения.

Мой рот наполняется чем-то горьким и противным за секунды, и он рычит мне, чтобы я проглотила, когда запикивает свой член обратно в джинсы, как раз вовремя к открытию двери.

Отстранённые карие глаза моего брата оценивают нас, останавливаясь на продуктах, разбросанных по полу. Кажется, он не замечает меня на коленях перед Тоддом, за исключением лёгкого приподнимания верхней губы в едва заметной усмешке. Он кивает Тодду коротким движением. "Мейсон". Я знаю, что он знает, что произошло, потому что его ноздри раздуваются. Он должен чувствовать это в воздухе. Но он ничего не делает.

Ничего.

Тодд улыбается, откидывая плечи назад, даже когда он

опускает голову в знак подчинения. "Наследник альфы. Ава только что рассказывала мне, что ты придешь на ужин. Я просто заглянул проверить её". Он говорит с интимностью, на которую не должен иметь права, и мой желудок восстаёт против всего этого – его слов, вкуса во рту и всего, что я только что вынесла.

Я бросаюсь в ванную, игнорируя смех Тодда, который следует за мной. Но слёзы, которые приходят с моей яростной рвотой, не из-за нападения. Они не из-за моей невинности. Они не из-за правил этой новой, изменившейся игры.

Нет.

Они из-за брата, который знает, на что он наткнулся. Того, кто проигнорировал всё это. Того, кому наплевать, что его младшую сестру только что изнасиловали в её собственном доме.

Черт.

Я не могу здесь оставаться. Ни за что.

Глава 4. Ава: Планирование

Следующие три дня проходят как в тумане, я стараюсь как можно реже выходить из комнаты. Я провожу это время, пытаюсь составить план побега; я, чёрт возьми, ни за что не останусь здесь, чтобы стать омегой-шлюхой стаи. Мой мозг обходит стороной всё, что произошло с Тоддом, решив, что игнорировать всё это гораздо дешевле, чем терапия.

Стены моей комнаты давят на меня. Сердце колотится в груди, и я не могу сдерживать слёз. Я пытаюсь отвлечься книгами, но каждое слово словно насмехается надо мной, каждая страница – напоминание о моём положении пленницы. Я забросила занятия, потому что... ну, я ведь не вернусь. Очевидно.

Я прихожу к выводу, что мой лучший шанс – сбежать прямо с гала-вечера, пока все будут слишком отвлечены, чтобы заметить моё отсутствие. Я собираю сумку для побега, набивая её одеждой, едой и всеми деньгами с моего банковского счёта, предварительно их сняв. Я не знаю, куда я пойду и что буду делать, но я больше не могу здесь оставаться.

Я покупаю одноразовый телефон и вбиваю в него номер Лизы, но не уверена, будет ли безопасно писать ей, когда я сбегаю. Как трусиха, я ничего не говорю о своих планах и ловлю себя на том, что заранее оплакиваю потерю лучшей подруги. Если я ей что-нибудь расскажу, она окажется в опас-

ности, если предположить, что моя стая сочтёт нужным выследить её ради информации. Лучше вести себя так, будто всё в порядке.

За ужином на третий день я сижу за столом, ковыряя еду в тарелке, когда папа сбрасывает бомбу. Мы едем на территорию стаи Сильвермун Пак на гала-вечер.

Это происходит.

Трудно сохранять самообладание, когда по твоей коже будто ползает миллион огненных муравьёв – психосоматическое проявление тревоги, но каким-то образом мне это удаётся. Либо так, либо моей семье просто нет до меня дела, чтобы заметить что-то неладное.

Не верится, что через два дня я буду в окружении оборотней, ищущих свои истинные пары, в то время как я буду просто пытаться найти выход.

Папа прочищает горло, и я бросаю на него взгляд, удивлённо обнаруживая, что его взгляд прикован ко мне. – Ава, – произносит он таким странным тоном, который, по-моему, должен был быть... успокаивающим? – Это важное событие для всех нас.

– Да, Отец.

– Думаю, ты понимаешь, почему я предпочёл бы оставить тебя дома, но будет странно, если я оставлю дома свою незамужнюю дочь на выданье, в то время как Джесса тоже поедет.

О, ничего себе. Он мне что-то объясняет. Я обвожу взгля-

дом стол, не удивляясь, что Джесса морщится, глядя в свою тарелку, а Феникс изучает меня со своей фирменной отстранённостью. С Джессой у него лёгкие, полные любви отношения, а на меня? На меня он смотрит, как на букашку.

Полагаю, для них всех я именно ею и являюсь.

Пальцы папы отбивают по столу отрывистый ритм. – Я жду от тебя безупречного поведения, пока мы будем там, Ава. – Его взгляд скользит к синякам на моей шее, и я вздрагиваю. Они оказались не такими ужасными, как я думала, но остаётся лишь надеяться, что они исчезнут к гала-вечеру.

Я опускаю голову, ковыряя вилкой стручковую фасоль. – Я понимаю, Отец.

– Поскольку у тебя нет волка, свою пару ты там всё равно не найдёшь. Так что просто постарайся не нарываться на неприятности и держи рот на замке. – Он снова утыкается в свою тарелку, а я сжимаю кулак на коленях, под столом.

Нет смысла обижаться на его слова.

Поездка в Айдахо проходит, как и большая часть моего общения с семьёй – в тишине. Мама, папа и Джесса едут в своей машине, а я сопровождаю Феникса в пикапе Джессы.

Гул мотора и ритмичный стук шин о дорогу убаюкивают меня, погружая в оцепенение. Феникс ведёт машину с высокомерием альфы: одна рука небрежно лежит на двери, всё тело расслаблено. Радио выключено, разумеется. Он так похож на папу. Холодный и отстранённый, как и все они.

Проходят часы, и холмистые плато сменяются горами у северных границ штата. Мои мысли уносятся к Лизе, я думаю о том, чем она занимается, и простит ли она меня за исчезновение.

– Ты ведь не собираешься натворить глупостей на Лунном Гала, Эйв?

Я вся дёргаюсь от неожиданности: сначала от звука голоса Феникса, а затем от его вопроса. Я смотрю на его профиль, гадая, не догадывается ли он о чём-то, и изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие. – Конечно, нет. Папа меня избьёт. Он совершенно ясно дал понять, чего от меня ждёт.

Феникс хмыкает. Я не уверена, что это значит. О, Господи, или Богиня Луны, или кто там на самом деле настоящее божество – если бы только я могла читать своих родных так же, как они читают меня.

Я снова уставляюсь в окно, стараясь, чтобы мой голос звучал беззаботно. – К тому же, кто захочет создать пару с дефективной. – Ой, горечь всё-таки прорвалась.

На этот раз Феникс не издаёт ни звука. Полагаю, он одобряет мой мрачный взгляд на жизнь.

– По крайней мере, Мейсон примет тебя. Ты не будешь его парой, но ваши дети будут законнорождёнными, и с ними будут хорошо обращаться.

Я не могу сдержать почти судорожного вздрагивания при звуке его имени. – Если у них будут волки, ты имеешь в виду. Феникс бросает на меня взгляд. – Верно.

Нет. Чёрта с два я останусь с этими людьми.

Он знает, и при этом сидит здесь и говорит мне быть благодарной за то, что этот мужчина, который безжалостно избивал меня годами, готов взять меня в качестве шлюхи для размножения.

Я медленно выдыхаю и мысленно прокручиваю в голове топографию местности. Я не очень хорошо её знаю, но вокруг Шэдоувейла есть несколько городов, а сам город огромен – как минимум в четыре раза больше Уайт-Пика. Я должна суметь как-нибудь запутать следы. В Уайт-Пике есть несколько разных вокзалов, но я надеюсь заставить всех думать, что я сбежала в пригород.

По мере приближения к Шэдоувейлу моя грудь сжимается от тревоги. Мысль о том, что я окажусь на территории стаи Сильвермун Пак, наполняет меня странной смесью ужаса и надежды. Это как шагнуть в мир, где может случиться всё что угодно, где у меня может появиться шанс на свободу.

Я бросаю взгляд на Феникса, который по-прежнему сосредоточен на дороге. От его стоического выражения лица по спине пробегает дрожь, и я оплакиваю старшего брата из моих воспоминаний. Затем я начинаю возводить мысленную стену вокруг всех тех воспоминаний о «До». Я не могу позволить своей сентиментальности взять верх.

Я мысленно возвращаюсь к планированию своего побега. Моё сердце бешено колотится от смеси страха и решимости. Я выберусь отсюда. Я должна.

Напряжение внутри меня сжимается всё туже, пока мы приближаемся к месту назначения.

Глава 5. Ава: Гала (1)

Я стою перед зеркалом в полный рост, мои руки дрожат, пока я неуклюже пытаюсь застегнуть молнию на платье. Ткань мягкая и шелковистая, такая же красивая, как и в день покупки. Это самая лучшая вещь, которую я когда-либо носила, но я чувствую себя в ней самозванкой.

Я немного кручусь, наслаждаясь тем, как юбка кружится вокруг моих ног. Помню, как в детстве я кружилась точно так же, мечтая, чтобы мои платья вращались, как у диснеевских принцесс. Маленькая девочка во мне довольна увиденным в зеркале, а взрослая я – нынешняя – считает, что меня здесь вообще не должно быть.

Джесса и Мама осматривают меня с ног до головы, их критичные взгляды оценивают мой вид.

– О, Ава, – вздыхает Мама, и даже её разочарование звучит утончённо и элегантно. – Неужели ты не могла хотя бы попытаться что-то сделать со своими волосами?

Я удивлённо протягиваю руку к волосам. Я думала, они выглядят неплохо после того преобразования, на которое меня затащила Джесса, но лицо Мама говорит об обратном. – Я думала, всё в порядке, – бормочу я, мои щёки пылают от стыда.

Джесса закатывает глаза. – Конечно, ты так думала. Давай, покончим с этим. Бьюсь об заклад, ты даже ничего с собой не

принесла. Давай просто сделаем быструю французскую ракушку.

Она хватает меня за руку и тащит обратно в комнату, усаживая в кресло перед туалетным столиком. Мама следует за нами, плотно сжав губы.

– Сядь прямо, – рявкает Мама, кладя руки мне на плечи и заставляя выпрямить спину. – И втяни живот. Твои бёдра слишком широки для этого платья. Оно ненамного лучше мешка из-под картошки. Честное слово, Ава. Если бы твоему отцу не нужно было привести тебя, чтобы показать другим стаям, что ты жива и здорова, я бы не посмела показаться с тобой на людях. Ты выглядишь как какая-то бродяжка из города. Как там говорится, Джесса? Из свиного уха не сшить бархатного кошелька?

Я прикусываю губу, сдерживая непрошенные слёзы, пока они продолжают критиковать каждый аспект моей внешности. Я хочу спросить, почему стаям вообще есть дело до того, жива я и здорова, но знаю, что Мама рассердится, если я буду настаивать.

Та маленькая девочка глубоко внутри меня, такая довольная кружащейся юбкой моего платья, прячется так глубоко в моей душе, что я не уверена, выйдет ли она когда-нибудь снова. Каждая частичка украденной радости, которую я ощутила у зеркала, исчезла, раздавленная элегантными каблуками и жестокими словами моей матери.

Джесса с силой проводит щёткой по моим волосам, с без-

жалостной эффективностью собирая их в элегантную высокую причёску.

– Не могу поверить, что ты заставляешь меня это делать, – шипит она, её горячее дыхание обжигает мне ухо. – Ты у меня в большом долгу, Ава. Я должна концентрироваться на себе, а не на тебе. У тебя здесь даже нет никаких перспектив. – Как будто она сама не ходячее совершенство.

Я всё равно киваю, не доверяя себе настолько, чтобы заговорить. Я знаю, что я обуза, разочарование для всех в моей семье. Но сегодня вечером я должна сделать храброе лицо и притвориться той, кем не являюсь. Сегодня я должна воспринимать всё, что они говорят, с улыбкой, как и раньше. Ещё совсем немного.

Скоро я буду свободна. Это мантра, которую я повторяю про себя, съёживаясь под неодобрением людей, которые должны любить меня больше всех.

Мама хватается меня за подбородок, заставляя посмотреть налево, потом направо, прежде чем слегка кивнуть. – По крайней мере, ты больше не выглядишь как бездомная. Ради Луны, Ава, ты должна уметь заботиться о себе. Как я выгляжу в глазах других, будто я тебя ничему не научила? Ты что, даже серьги не могла принести?

Я воздерживаюсь от напоминания, что она ничему меня не учила с того дня, как мне исполнилось двенадцать, и у меня нет ни единого украшения. Хотя нет, одно есть... но почему-то я не думаю, что браслет дружбы, который я сплела

себе в тринадцать лет, пройдёт её проверку.

Джесса переходит к моему макияжу, её руки грубо наносят тональный крем и румяна на мою кожу. Я пытаюсь сидеть неподвижно, но нервы берут своё.

– Перестань ёрзать, – рывкает Мама, и её рука тяжело опускается мне на плечо. – Ты всё испортишь. Джесса, милая, от этого оттенка у неё будет болезненный вид. Нам не нужно, чтобы она выглядела больной. Представь, какие слухи это породит. Как будто у нашей стаи нет врачей и больниц.

Я делаю дрожащий вздох и заставляю себя расслабиться, позволяя Джессе творить своё волшебство. Когда она заканчивает, я с трудом узнаю девушку, смотрящую на меня из зеркала. Моя кожа безупречна, глаза – с дымчатым и манящим макияжем, губы – глубокого, знойного красного цвета.

– Вот, – говорит Джесса, отступая, чтобы полюбоваться своей работой. – По крайней мере, теперь ты не выглядишь как полное бедствие.

Мама просто вздыхает. Снова. Сколько раз за последний час? Наверное, не меньше десяти. – Придётся смириться.

Я встаю, разглаживая ладонями ткань платья. Моё сердце колотится в груди, и я чувствую, что меня может стошнить. Но я знаю, что должна это сделать. Я должна сыграть роль идеальной дочери, послушного волка, всего лишь ещё одну ночь.

А потом я буду свободна.

Позже тем же вечером я вхожу в балльный зал, одиноко стоя позади своей семьи. Папа и Мама идут впереди, а Феникс сопровождает Джессу, оставляя меня следовать за ними, чувствуя себя гадким утёнком в море лебедей. Не помогает и то, что Мама и Джесса увешаны сверкающими драгоценностями, в то время как у меня нет и намёка на блестящие камушки.

Несмотря на сравнение, которое я невольно чувствую до мозга костей, величие и роскошь Лунного Гала захватывают дух. Хрустальные люстры свисают с потолка, заливая комнату тёплым светом. Полы из полированного мрамора, а стены украшены замысловатыми гобеленами и картинами.

Моя голова вертится, как флюгер, пока я осматриваюсь, а сердце колотится в груди. Всё, чего я хочу, – это найти тихий уголок, чтобы спрятаться, избежать пристальных взглядов других гостей. Но прежде чем я успеваю это сделать, отец хватает меня за руку.

– Ава, пойдём, – говорит он, крепко сжимая мой локоть и направляя меня к хорошо одетому мужчине постарше. Кажется, это бета из одной из стай, но стук сердца в ушах мешает мне сосредоточиться на словах.

Я заставляю себя улыбнуться, пожимая ему руку и бормоча приветствие. Затем ещё один человек. И ещё. Их имена и лица расплываются в моём сознании, пока отец представляет меня всё новым и новым людям, каждый из которых ещё более незапоминающийся, чем предыдущий.

Лёгкая, гудящая паника наполняет мою голову, когда я задаюсь вопросом, дадут ли мне вообще хоть какую-то свободу. Я чувствую, как стены сжимаются вокруг меня, воздух густой от запаха духов и звука натянутого смеха.

Пробираясь сквозь толпу, я замечаю поразительное лицо, изучающее всех нас с незнакомым мне намерением. Он стар, кажется, даже старше Альфы Ренара, но в его движениях есть юношеская плавность.

Мой отец подходит к нему с некоторой сдержанностью. – Альфа Стил.

– Бета Грей, – отвечает тот, его насыщенный голос на удивление холоден.

Папа кажется более напряжённым, чем обычно. – Это Феникс, наш наследник-альфа. Джесса, моя дочь. Она здесь в поисках предназначенной связи, поскольку в нашей стае она так и не сложилась.

– Приятно познакомиться, – говорит Альфа Стил, но я замечаю, что он не протягивает руки. Феникс напрягается, но никто ничего по этому поводу не говорит.

Папа поворачивается ко мне, снова сжимая мою руку так сильно, что может остаться синяк, и бросает на меня суровый взгляд, словно требуя, чтобы я вела себя хорошо.

– А это Ава, моя младшая дочь.

– Приятно познакомиться, Альфа Стил. – Теперь я узнаю его имя: альфа Стаи Сильвермун. Взгляд Папы впивается в меня, и я с трудом пытаюсь найти, что ещё сказать. – Эм,

здесь всё очень красиво. Я впечатлена.

Взгляд пожилого альфы задерживается на мне, особенно на серповидном шраме под моим левым ухом, и я чувствую, как румянец подкрадывается к шее. Затем он улыбается, удерживая мой взгляд своим. – Спасибо. Я очень рад познакомиться с таинственной младшей дочерью нашего уважаемого Беты Грея. Мы ждали вашего выхода, так сказать, на социально-политическую арену Северо-западных территорий.

Папин взгляд такой испепеляющий, что от него могли бы загореться мои волосы. Вместо этого моя шея краснеет, а от беспокойства у меня заплетается язык. – О, нет, я не... то есть, я никогда особо не интересовалась подобными вещами, – говорю я, желая пнуть себя за то, что звучу так неопытно. С другой стороны, чего ещё от меня можно было ожидать? Мои родители никогда не помогали мне познакомиться с миром за пределами нашей стаи.

– Пожалуйста, зовите меня Ксавьер. Моя Стая Сильвермун гордится тем, что в этом году принимает Лунный Гала. Хотя мы все рады видеть здесь неуловимую Стаю Чёрного Камня. Это настоящий успех, как любит говорить моя пара. Как вам здесь?

– Здесь всё очень грандиозно. – Я не могу сказать ничего другого, учитывая, что Папа таскал меня то туда, то сюда. Всё, что мне удалось сделать, – это пожимать руки людям, которых я даже не знаю. – Я рада быть здесь, – неловко, как всегда, добавляю я, изо всех сил стараясь ответить на его

улыбку.

В моей голове мелькает мысль. Кажется, ему не нравится ни Папа, ни Феникс, и он не высокого мнения о Стае Чёрного Камня. Может быть, он захочет помочь? Но... нет, это глупая мысль. Ни один альфа не станет укрывать дефектного волка от другой стаи.

Альфа Ксавьер поднимает бокал в мою сторону, затем снова поворачивается к Папе. – Какая у вас прелестная дочь, Бета Грей, – говорит он, его глубокий голос наполнен какой-то эмоцией, которую я не могу уловить. – Она настоящая красавица.

Мой отец принимает комплимент с явной неохотой, его хватка на моей руке усиливается. Я чувствую исходящее от него напряжение и знаю, что он не рад вниманию альфы.

К нашей группе подходит красивый молодой человек, и я снова чувствую, как хватка отца на моей руке усиливается.

– Бета Эшборн, – говорит Папа холодным и пренебрежительным тоном. Контраст с его предыдущим уважением к Альфе Ксавьеру разителен.

Джесса выходит вперёд, видение в своём тёмно-синем платье и с волнистыми платиновыми волосами, с кокетливой улыбкой на губах. – Здравствуйте, Бета. Я Джесса Грей из Стаи Чёрного Камня. Приятно познакомиться.

Мужчина слегка кланяется, его взгляд на мгновение метнулся ко мне, прежде чем остановиться на Джессе. – Келлан Эшборн, бета Стаи Вествуд. Взаимно.

Я ожидаю, что он заговорит с Джессой, но, к моему удивлению, он поворачивается ко мне. Он протягивает руку, и я, не думая, протягиваю свою в ответ. Он склоняется над ней, его губы почти касаются моей кожи, и я чувствую, как по спине пробегает дрожь, когда наши взгляды встречаются. Кажется, он разглядывает меня как какую-то любопытную загадку, и не думаю, что мне это нравится.

– А вы кто будете? – спрашивает он, его голос гладкий, как шёлк.

Прежде чем я успеваю ответить, отец оттаскивает меня, его хватка граничит с болью. – Это Ава, моя младшая дочь, – говорит он отрывистым тоном. – Ава, почему бы тебе не пообщаться с людьми твоего возраста?

Это явное изгнание, и я хватаюсь за шанс сбежать. Я киваю, бормоча быстрое прощание Келлану и остальным, прежде чем ускользнуть в толпу.

Перемещаясь по бальному залу, я пытаюсь вести себя как обычно, но моя голова идёт кругом. Почему Альфа Ксавьер и Бета Эшборн казались так заинтересованы во мне? И почему мой отец так быстро отослал меня прочь, после того как столько таскал за собой?

Я рискую оглянуться через плечо и вижу, что Бета Эшборн наблюдает за мной, его взгляд напряжённый и любопытный. Зловещая дрожь пробегает по моей спине, и я задаюсь вопросом, какова настоящая причина, по которой Папа привел меня на этот Гала. Неужели слухи о его дефектной

дочери вызывают проблемы с другими стаями? Это единственное, что имеет смысл.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить нервы. Мне нужно сосредоточиться на своём плане, на поиске выхода из этой жизни. Я не могу позволить себе отвлекаться на интриги, зреющие под поверхностью этого грандиозного события.

Остаток вечера я провожу, пытаюсь избегать своей семьи и любопытных взглядов других гостей. Я чувствую на себе взгляды, следящие за каждым моим движением. Это сильное ощущение, похожее на физическое прикосновение, и от него мой живот сжимается от беспокойства. Я часто оглядываюсь, пытаюсь найти источник взгляда, но так никого и не застаю за этим занятием. Сначала я подозреваю Бету Эшборна, но каждый раз, когда я проверяю, он всегда с кем-то разговаривает. Я действительно не думаю, что это он. Но кто же тогда?

С течением ночи беспокойство, свернувшееся в моём животе, заставляет меня искать выход. Мне нужно убраться отсюда, сбежать, пока не стало слишком поздно. Я ускользаю из бального зала, направляясь в тускло освещённый сад. Прохладный ночной воздух – облегчение после душной атмосферы внутри, и я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить нервы.

Здесь есть несколько парочек, и я слышу звуки, которых никогда раньше не слышала. И всё же я не настолько невинна, чтобы не знать, что они означают, поэтому я избегаю их всех, и на моих щеках горит румянец смущения.

Я достаю телефон, открывая приложение для вызова такси. Мой палец замирает над кнопкой, готовый вызвать машину, чтобы добраться до Отеля "Лунная Терраса". Я повторяю название в уме, как мантру, чтобы не отвлекаться от своей цели. Мне просто нужно забрать свою сумку, и я буду свободна как ветер. Или, ну, бездомна. В хорошем смысле.

Как только я собираюсь нажать на кнопку, чья-то рука хватается меня за руку, дёргая назад. Я вскрикиваю от удивления, когда меня разворачивают, и я оказываюсь лицом к лицу с незнакомцем, который, кажется, намерен обнять меня, как любовник. Он высокий и широкоплечий, с тёмными волосами и пронзительными глазами, которые, кажется, видят меня насквозь. Его костюм на ощупь роскошнее всего, к чему я когда-либо прикасалась, он скользит по моей коже, как шёлк.

Что-то глубоко внутри меня пробуждается с незнакомым чувством. Но, как и те звуки, которые я узнала, никогда их не слышав, я знаю, что это.

Желание.

Боже мой.

Неужели это?..

– Куда это ты собралась, маленький волк? – спрашивает он, его голос – низкое рычание, от которого по моей спине пробегают мурашки.

Я открываю рот, чтобы ответить, но не могу произнести ни слова. Я застыла на месте, сердце колотится в груди, пока

я смотрю на него снизу вверх. Его хватка на моей руке крепкая, почти болезненная, и я знаю, что я в ловушке... разрываемая между желанием бежать и желанием обвитья вокруг него так, чтобы он не мог дышать без меня.

Глава 6. Лукас: Гала (2)

ЛУКАС

Я, нахмурившись, уставился в телефон, читая сообщения от Келлана и постукивая ногой по спинке переднего сиденья. Я еще не вошел в бальный зал, потому что терпеть не могу разбираться с подобным дерьмом. Ежегодная охота за предначертанными партнёрами, где едва достигшие совершеннолетия женщины вешаются на тебя в надежде найти эту мистическую связь. Черт с ней.

[КЕЛЛАН: Волки Блэквудов здесь, как мы и подозревали. Дочерей точно две. Слухи могут оказаться правдой. Я вхожу.]

[КЕЛЛАН: Присмотри за младшей дочерью. В ее отношениях с семьей что-то не так. Грей едва не отшвырнул ее, когда я подошел, и теперь пытается затащить старшую ко мне в штаны.]

Я удивлен. Было бы логичнее, если бы они нацелились на меня, альфу, но посылать Джессу Грей в объятия Келлана...

Если только они не хотели пристроить и вторую дочь. Если Грей не хотел, чтобы Келлан приближался к другой, возможно, это потому, что у него на уме была другая цель.

Если обе его дочери станут соединенными узлами с альфой и бетой моей стаи... да, я вижу в этом привлекательность, будь я такой же двуличной змеей, как Грей. Он, вероятно,

управлял бы моей стаей в течение года, если бы я был настолько глуп, чтобы позволить подобному случиться.

Должно быть, он действительно невысокого мнения обо мне и Келлане из-за нашей молодости, словно мы способны думать только своими членами. К его несчастью, у меня никогда не было соблазна окунуть свой в яд.

Я сунул телефон в карман и выскользнул из машины, бросив недокуренную сигарету на землю и раздавив ее каблучком. Дым вырвался из машины, прежде чем я захлопнул дверь, и я кивнул оборотням, стоявшим у входа в здание.

Войдя в бальный зал, я держался в тени, избегая взглядов других посетителей. Меньше всего мне нужно, чтобы ко мне пристала какая-нибудь отчаявшаяся волчица в поисках быстрого перепихона или связи пары. У меня есть дела поважнее, например, выяснить, что замышляют Блэквуды.

Мои глаза сканируют зал в поисках хоть каких-то следов Александра Грея и его выводка. Мне не потребовалось много времени, чтобы их заметить. Грей стоял высокий и гордый, выпятив грудь, словно он здесь хозяин. Его сын, Феникс, маячил неподалеку со стоическим и нечитаемым выражением лица. А затем его дочь, Джесса, повисшая на руке Келлана, словно какой-то чертов аксессуар.

Я не мог не усмехнуться при этом зрелище. Блэквуды так прозрачны в своих попытках навязать союз между нашими стаями. Словно я когда-нибудь позволю этому случиться. Может, я и молод, но не глуп. Я достаточно умен, чтобы не

доверять стае с такой репутацией, как у них. Их альфа даже не явился, доказывая, что он мало уважает Совет или другие входящие в него стаи. Любой союз был бы не более чем фасадом в попытке захватить власть в следующем поколении. Настоящий вопрос в том, почему их интерес обратился к нам?

Я достаю телефон и быстро отправляю сообщение Келлану.

[ЛУКАС: Во что одета младшая дочь? Я не вижу ее с остальными.]

Пока я ждал его ответа, мой взгляд продолжал блуждать по бальному залу. И вот тогда я ее увидел.

Она стояла в стороне, почти скрытая в тени. Ее темно-русые волосы мягкими волнами обрамляли лицо, а очки в толстой оправе, казалось, лишь подчеркивали поразительную синеву ее глаз. Это был самый светлый оттенок синего, который я когда-либо видел, почти как лед.

На ней было элегантное черное платье, едва приоткрывающее взгляду ложбинку на ее груди. Мои пальцы дрогнули, когда ткань плавно закружилась вокруг ее бедер, лишь намекая на изгибы под ней. Я не особо разбираюсь в женской одежде, но ее наряд мне нравится. Очень.

Элегантно. Сексуально. Моя.

Я чувствую, как в животе внезапно просыпается желание, а мой волк рычит на задворках сознания. Это звук, которого я никогда раньше не слышал, первобытное признание че-

го-то, что я не могу точно определить. Все, что я знаю, – это то, что я хочу ее, и хочу ее сейчас же.

Я слишком далеко, чтобы учуять ее запах, и мой волк по-нукает меня подойти ближе. Вместо этого я остаюсь в тени и не свожу с нее глаз. Ей неуютно, и она идет так, будто туфли ей чужие, но она явно немного старше большинства волчиц-первогодок, которые посещают этот Проклятый Лунной фестиваль пар.

Она напрягается так, что я вижу это даже отсюда, и ее голова начинает метаться по сторонам, а брови хмурятся. Я уверен, что она чувствует мой взгляд, и у моего волка текут слюнки от предвкушения охоты, хотя он и воет у меня в голове, что мне нужно подтащить свою задницу поближе. Достаточно близко, чтобы обнюхать ее, прижать к своему телу, оставить на ней свой запах. В этом черном платье видны только ее плечи и руки, и ее бледная кожа поблескивает под искусственным светом бального зала.

А еще этот маленький намек на ее грудь в ромбовидном вырезе на платье. Дразнящая деталь, и восхитительная. Я хочу укусить ее там, оставить свою метку, чтобы все видели, что на нее заявил права ее альфа.

Я провожу языком по клыкам, улыбаясь, когда она семенит в другой конец зала и снова оглядывается. Чем она пахнет? Какой вкус взорвется у меня во рту после первого же прикосновения языка? Мне кажется, она сладкая, как мед.

«Взять ее, пометить запахом, покрыть», – рычит мой волк,

и я чувствую, как он царапает невидимую границу нашего общего сознания.

Неужели я наконец-то нашел свою пару?

Я продолжаю кружить и наблюдать за своей добычей, и азарт вспыхивает во мне, когда ее миниатюрная фигурка устремляется к садам за полчаса до полуночи.

О да, маленький волк. Я иду.

Глава 7. Лукас: Гала (3)

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Откровенный контент.]

ЛУКАС

Мой волк торжествующе воеет, пока я выслеживаю блондинку, оставаясь в тени сада. Она не замечает моего присутствия, все ее внимание сосредоточено на телефоне в руке. Свет экрана озаряет ее лицо, мягко освещая тонкие черты. В ее очках отражается дисплей, и я с разочарованием замечаю, что блики скрывают ее поразительные глаза.

Подобравшись ближе, я улавливаю в дуновении ветерка ее запах. Мед и ваниль с примесью чего-то еще. Чего-то, что вызывает ко мне на первобытном уровне. Мой волк буквально исходит слюной, понукая меня сократить дистанцию и заявить права на то, что мое. Она не может быть моей парой – мой волк распознал бы это с первого же запаха – но в ней определенно есть что-то особенное.

Я смотрю, как она торопливо стучит пальцами по экрану. Судя по всему, приложение для вызова такси. Она пытается уехать?

Эта мысль вызывает во мне волну собственности. Черт два я позволю ей ускользнуть теперь, когда нашел ее.

Ядвигаюсь быстро, преодолевая расстояние между нами за несколько длинных шагов. Она даже не успевает среаги-

ровать, как я дергаю ее за руку, разворачиваю, прижимаю к своей груди и обвиваю талию. Моя ладонь собственнически ложится ей на поясницу, нежно поглаживая изгиб над самыми бедрами. Ее кожа теплая и соблазнительная даже сквозь мягкую ткань.

– Куда это ты собралась, волчонок? – шепчу я, и мои губы скользят по раковине ее уха.

Она застывает в моих руках, и моему волку это не нравится. – Отпусти, – требует она, но дрожь в ее голосе выдает ее показную смелость.

Я усмехаюсь, низко и мрачно. – С чего бы мне это делать? Я наблюдал за тобой весь вечер, выжидая идеального момента, чтобы представиться.

Она извивается в моей хватке, пытаясь разглядеть мое лицо. – Кто ты?

– Лукас Вествуд, альфа стаи Вествуд. – Я склоняю голову, утыкаясь носом в изгиб ее шеи. Здесь ее запах еще сильнее, и я глубоко вдыхаю, наполняя им легкие. – А ты, волчонок, пойдешь со мной.

«Возьми ее, – понукает мой волк. – Здесь. Покрой ее здесь. Не жди. Пропитай ее нашим запахом».

Похотливый ублюдок. Но все же он в чем-то прав. У моего нежного волчонка серповидный шрам на левой стороне шеи, и, клянусь, там ее запах еще сильнее. Поддавшись искушению, я провожу по нему языком – длинно, медленно.

Когда я чувствую, как она дрожит, на моих губах появля-

ется торжествующая улыбка. Ее короткий вздох будто бьет прямо мне в член. Он стоял по стойке смирно весь вечер, но сейчас, кажется, стал тверже, чем когда-либо в моей жизни. Черт, эта женщина пахнет божественно.

– Убери руки, – шепчет она, и я рычу, выражая свое недовольство ее словами. Но ее руки, крошечные и изящные, с любопытными пальчиками, скользят вверх по моей груди. Она не отталкивает меня.

«Возьми ее. Покрой ее. Луна благословляет нас».

Полнолуние, кажется, согласно мерцает в ответ. Либо это, либо у меня галлюцинации от каждого вдоха аромата с кожи этой женщины. В какой-то момент мои руки сами собой сползли с ее бедер и обхватили ее сзади, нежно сжимая щедрые изгибы ее задницы.

Я снова рычу, на этот раз одобрительно, и она тает в моих объятиях.

– Имя? – требую я, покусывая и нежно посасывая шрам на ее шее. В тусклом свете я едва различаю синяк на ее плече, похоже, прикрытый той пудрой, что женщины наносят на лицо. Мой волк взывает в ярости, и я провожу по нему пальцами.

Она вздрагивает, а я дергаю ее ближе, прижимая ее таз к верхней части своих бедер. Черт, она такая крошечная, даже на этих убийственных шпильках. Они, должно быть, делают ее сантиметров на восемь выше.

Часть меня осознает, что, вероятно, стоит отступить. По-

быть джентльменом. Представиться снова, без такого количества поглаживаний и сжиманий. Может, перестать вылизывать ее шею.

Но она стонет, и я подсовываю руки под ее упругую задницу, чтобы приподнять ее, пока самое ее естество не прижмется к моему члену – горячее, влажное и манящее за преградой трусиков. Я чувствую это сквозь брюки, особенно когда она обвивает меня ногами и сжимает их.

Тогда я понимаю, что она так и не назвала мне своего имени, но слова, которые все-таки слетают с ее губ, становятся моим главным приоритетом.

– Странная просьба, – выдыхает она мне в ухо, совершая восхитительное круговое движение бедрами, – можешь найти стену, чтобы вжать меня в нее?

Твою. Мать.

Я оглядываюсь, понимая, что, вероятно, выгляжу как дикарь, прежде чем поцеловать ее со всей той одержимостью, что скопилась в моем члене, проникая языком в ее рот, чтобы завладеть каждым дюймом ее нежности. На вкус она такая же, как и на запах, и отстраниться трудно, но я отстраняюсь. Потому что, черт. Это происходит.

– Стен нет, – рычу я и прикусываю ее челюсть, наслаждаясь тихим стоном, который она издает от этого прикосновения. – Только деревья.

Она выдыхает что-то похожее на «Отлично», и я делаю то, что сделал бы на моем месте любой мужчина.

Я впечатываю ее в самое толстое дерево, какое только могу найти, расстегивая брюки, чтобы кончик моего члена уперся в ее горячий, влажный вход, сдерживаемый лишь ее трусиками. Они черные, кружевные, и я хочу сорвать их с нее, но пытаюсь быть джентльменом.

Вроде как.

Я запускаю руку в ее модную прическу и сжимаю волосы в кулак, наслаждаясь ее резким вздохом от боли. Оттягивая ее голову назад, я борюсь с желанием взвыть, когда ее тонкая шея изгибается в вынужденном подчинении.

Я кусаю там, где должна быть метка пары, – достаточно сильно, чтобы оставить синяк, но не прокусить кожу, – и сильно всасываю кожу, одновременно проталкивая два пальца ей в рот, без слов требуя ответа.

И она отвечает.

Этот милый язычок облизывает и ласкает мои пальцы, прежде чем она с тихим стоном втягивает их в рот, и я с силой прижимаюсь к ней, чувствуя, как ее естество слегка поддается, когда мой кончик входит в нее – всего на миллиметр – сквозь промокший насквозь шелк между нами.

Гребанный. Рай.

Глава 8. Ава: Гала (капельница)

[ВНИМАНИЕ: Материал для взрослых]

Если бы кто-нибудь сказал мне, что всего через несколько дней после того случая с Тоддом я окажусь в похожей ситуации с незнакомцем и буду получать от этого немислимое удовольствие, я бы посоветовала ему записаться в психушку. Травма так не работает.

Но, как оказалось, очень даже может.

Может быть, все дело в том, что он такой... Высокий. Темноволосый. Красивый. Все клише, о которых только можно мечтать, – это он. Особенно когда он не скрывает своего влечения ко мне, несмотря на все резкие слова, брошенные в мой адрес Джессой и мамой, пока я собиралась. Видимо, этот мужчина не считает, что я слишком низкая или что мои бедра слишком широкие. На самом деле, они, похоже, ему очень нравятся.

Поэтому, когда я чувствую его язык на своей шее и понимаю, что от такого мужчины, как Высокий, Темноволосый и Сексуальный, это ощущается совершенно иначе, моя первобытная часть просто сходит с ума.

Тот голос внутри меня, который и есть настоящая я, пытается сказать мне, что, может быть, стоит отступить и на секунду задуматься. Что эта связь странная. Что я так себя не

веду и что мне действительно нужно больше себя уважать.

Но пульсация внизу живота велит этому голосу заткнуться на хрен и подвинуться, говорит, что он мой суженый, а затем просит его впечатать меня в стену.

Понятия не имею, откуда взялась такая смелость, и когда моя спина ударяется о грубую кору дерева, добавляя синяков моему телу, желание затапливает все так, как меня не готовили даже любовные романы.

О, милый младенец Иисус в яслях. Милая Богиня Луны. Этот мужчина – чистое волшебство.

Ощущение его твердой плоти, прижатой к самому моему лону, должно было бы заставить меня бежать куда глаза глядят, но нет. Вместо этого я выгибаюсь навстречу, изнывая и умоляя о большем, осыпая поцелуями его челюсть и подавая бедра ему навстречу. Я благодарно стону, когда он толкается в ответ, почти проникая в меня – если бы только мои чертовы трусики могли спонтанно воспламениться и исчезнуть с пути, – но стон сменяется разочарованием, когда его бедра отстраняются.

Затем там появляются его пальцы, оттягивающие мои трусики в сторону, и он проводит своим членом по влажным губкам моей киски, и, о мой Бог.

Такой теплый.

Такой твердый.

Бархатный и... трахни меня сильнее.

Пожалуйста.

И этот мужчина продолжает кусать и присасываться повсюду. Я знаю, что у меня будут засосы по всей шее и плечам, а моя грудь жаждет прикосновений, но все внимание сосредоточено внизу, пока я молю и умоляю его войти до конца.

Но он этого не делает, лишь снова скользит вверх и вниз, пропитываясь моими соками, которые, я чувствую, текут повсюду. Я, наверное, мокрее, чем водная горка, и в тумане желания это совсем не кажется неловким.

– Пожалуйста, – скулю я, наслаждаясь рокотом его рычания, когда он впечатывает свои бедра в меня, притираясь друг к другу в самой восхитительной из пыток.

Он продолжает двигаться, а его рука возвращается к моим волосам, откидывая мою голову назад в жесте покорности, который должен был бы меня оттолкнуть. Вместо этого я с готовностью подставила шею, надеясь, что он снова укусит, оближет и присосется. Сильнее.

Сделай мне больно, пожалуйста. Черт.

Этот укус приходится прямо на мой шрам и заставляет все мое тело дернуться и гудеть, пока я сильнее прижимаюсь к нему; боль творит греховные вещи с тем местом, где мы так близки к соединению.

А потом я неожиданно разлетаюсь на куски; меня швырнуло с обрыва так далеко, что я перелетела его, даже не осознав, что конец был близок.

Его рот накрывает мой, горячий и властный, он всасывает мой крик, забирая его себе.

Его бедра бьются о мои, жестко и неистово, прежде чем все его тело напрягается и содрогается. Поцелуй обрывается резким движением, когда он кусает мою губу и стонет, и что-то теплое растекается по моему животу. Я чувствую острую боль в губе и знаю, что идет кровь, а он присасывается к ней, словно это амброзия, прежде чем в неге послевкусия положить голову мне на плечо.

Я моргаю, глядя на звезды, чувствуя, как замедляется мое сердце, а конечности тяжелеют, и нормальная часть меня снова берет верх над моим разумом.

Он мой предначертанный партнёр, но... он также незнакомец, который признался, что выслеживал меня здесь. Тот, кто сказал, что заберет меня.

И я хочу, чтобы он это сделал. Хочу.

О, мой Бог.

Реальность случившегося наконец ударяет меня, как товарный поезд, и я чувствую, как мои щеки заливают краска смущения. Я только что позволила совершенно незнакомому мужчине тереться об меня в одежде у дерева, и мне это понравилось. Нет, я была в восторге. Какого черта со мной не так? Суженый или нет, но это...

Я все еще пытаюсь отдышаться, когда снова чувствую его руки на себе, но на этот раз они нежны. Он осторожно поправляет мое платье, насколько это возможно, несмотря на липкую сперму на моем животе. Он изо всех сил старается вернуть его на место и разгладить складки. К счастью, ткань

сзади многое скрывает, а я все равно планировала переодеться в отеле. Его прикосновение такое нежное, такое любящее, что мое сердце сжимается от боли так, как никогда раньше.

Он снова наклоняется, чтобы поцеловать меня, и я обнаруживаю, что сама наклоняю голову, чтобы встретиться его поцелуй, и желание снова пробегает мурашками по моей спине, будто я не избавилась от него всего несколько мгновений назад. Наши губы почти соприкасаются, когда пронзительный звон пререзает воздух.

Его телефон.

Лукас тихо ругается и отстраняется, лезет в карман, чтобы достать злополучное устройство. Я не могу не почувствовать укол разочарования из-за того, что нас прервали.

– Мне нужно ответить, – говорит он низким, хриплым голосом. – Не двигайся.

Я молча киваю, наблюдая, как он отходит, чтобы ответить на звонок. Мой разум все еще не может прийти в себя после случившегося, и я не могу сформулировать ни одной связной мысли.

Что мне теперь делать? Ждать, пока он вернется? Или бежать и притвориться, что этого никогда не было? Сердце велит мне остаться, но разум кричит, чтобы я убиралась отсюда к чертовой матери. К тому же, мне нужно бежать – в принципе. Он упоминал, что я поеду с ним, до того, как мы, кхм, соединились таким образом. Но он даже не знает, кто я, и, о мой Бог, он альфа стаи Вествуд. Я не могу быть парой альфы.

Я все еще не могу оправиться от запоздалого воспоминания о том, как он представился, когда он возвращается; выражение его лица непроницаемо. Он берет мою руку в свою, и вся нежность исчезла. Его глаза стали твердыми и холодными, и ужас сковывает мое лицо.

О, мой Бог.

В конце концов, это не волшебная связь. Это просто «трахнул и сбежал». Сукин сын.

– Ава Грей? – спрашивает он, мускул на его челюсти дергается, и его голос больше не теплый, не хриплый и не сексуальный. Он резкий и жестокий, и, о боже, кажется, мое сердце и вправду сейчас разобьется.

– Да? – я чувствую себя ничтожеством.

Лукас ругается так, как я никогда раньше не слышала, и какая-то истеричная часть моего мозга цепляется за эту деталь, с беспристрастным изумлением отмечая разнообразие и креативность.

Затем его глаза встречаются с моими, и тот сексуальный мужчина, что был здесь мгновение назад, исчез. Исчез.

Он смотрит на меня с чувством, которое мне слишком хорошо знакомо. Ненавистью.

Я не жду отказа; я вырываю свою руку из его и бегу, а он не следует за мной.

Я врываюсь в дверь гостиничного номера, захлопывая ее за собой. Мое сердце колотится в груди, и я не могу отды-

шаться. Я на мгновение прислоняюсь к двери, пытаюсь прийти в себя, но все бесполезно. Я сломлена. Где-то внутри меня зияющая дыра, и она горит огнем его отказа. Отказа моего партнёра.

Соберись, Ава. У тебя нет на это времени.

Я отталкиваюсь от двери и хватаю свою сумку, рыщу в ней, пока не нахожу сменную одежду. Я снимаю платье и швыряю его в угол, напоминая себе выбросить в мусорку по пути. Мне не нужно, чтобы мои родители нашли доказательство моего неосмотрительного поступка после моего ухода. Хотя, с другой стороны, это было бы отличным отвлекающим маневром в их поисках, не так ли?

Я захожу в душ, включаю воду такой горячей, какой только могу вытерпеть, позволяя себе пятиминутную роскошь, чтобы смыть с себя все. Я позволяю воде струиться по мне, надеясь, что она смывает стыд и унижение, которые я чувствую. Но как бы сильно я ни терлась, я не могу очиститься. Я все еще чувствую его руки на себе, его губы на своей коже. Я все еще слышу его голос в своем ухе, говорящий мне, как хорошо я себя чувствую.

Прекрати. Перестань думать о нем.

Душ заканчивается, оставляя мое тело чистым, а душу – грязной. Я небрежно вытираюсь, прежде чем натянуть на себя одежду, чувствуя первое настоящее облегчение теперь, когда я больше похожа на саму себя. Нет смысла смотреться в зеркало. Я не хочу видеть, в какое месиво я превратилась.

Я хватаю сумку и выхожу за дверь. Мне нужно обратиться отсюда как можно дальше. Приложение для вызова такси уже открыто на моем телефоне после побега с гала-вечера. Теперь я делаю новый заказ и мчусь в вестибюль, не удивляясь, что машина уже здесь. Наверное, они ждали у отеля на случай, если понадобятся кому-то из гостей. Что ж, ура, вот и я.

У меня нет времени на разработку хитроумных планов, и мой разум не способен продумать какие-либо сложные уловки. Когда мы отъезжаем от отеля, я прислоняюсь головой к окну и позволяю слезам беззвучно катиться по щекам. Я не знаю, куда я еду и что буду делать, когда приеду. Все, что я знаю, – это то, что мне нужно исчезнуть.

Глава 9. Лукас: Гала (5)

ЛУКАС

Хрупкая фигурка Авы исчезает в причудливых тенях деревьев, всё ещё пробуждающихся к жизни с приходом весны. Полная луна в небе словно насмехается надо мной, над всем этим.

Ава Грей. Младшая дочь Беты Грея. Та, кого скрывали от всех нас до этого вечера.

Рычание вырывается у меня из горла, и мой кулак врежется в ствол ближайшего дерева, боль расходится вверх по руке. С порезов, оставленных грубой корой, капает кровь, и я рад жжению разорванной кожи.

Выдернув телефон из заднего кармана, я снова набираю Келлана, стараясь не винить его в своей ярости. Если бы он ответил на сообщение, если бы позвонил, если бы хоть как-то дал мне знать, что Ава Грей – это миниатюрная блондинка в чёрном платье и очках, я бы не зашёл так далеко сегодня вечером. Не попался бы на приманку.

– С Авой Грей я разобрался. Она ушла, – выплёвываю я, отчеканивая каждое слово. – Присмотри за остальными, на случай, если они попробуют выкинуть что-нибудь ещё.

Я завершаю вызов, не давая ему ответить, и засовываю телефон обратно в карман, сжав челюсти так сильно, что сводит скулы. На этот раз стая Блэквуд зашла слишком далеко.

Я не знаю, что они сделали с Авой, но что бы это ни было, это заставило меня отреагировать на неё на самом первобытном уровне. Мой волк мечется в моём сознании, словно зверь в клетке, в ярости от того, что я позволил ей уйти.

«Она не наша предначертанная. Ты не чувствуешь этого в её запахе», – огрызаюсь я на него, но он лишь воет, отказываясь общаться со мной. Впервые между нами такой раскол, и я виню в этом её. Эту сексуальную маленькую помеху в её огромных очках в толстой чёрной оправе. Волкам не нужны очки; те немногие, кто их носит, делают это ради моды. Могу лишь предположить, что она пыталась казаться беззащитной.

И, чёрт возьми, это сработало.

Я провожу рукой по волосам и делаю глубокий вдох, пытаясь прочистить голову. Мне нужно выяснить, что они сделали, чтобы феромоны Авы воздействовали на меня с такой силой. Мне нужно понять, почему мой волк реагирует на неё, будто она моя пара. А затем я заставлю стаю Блэквуд заплатить за то, что они сделали сегодня вечером.

Я рыщу по саду и понимаю, что не могу удержаться и иду по запаху Авы к фасаду здания, где след обрывается. Стойкий аромат её уникального запаха вьелся в мою кожу, как сводящее с ума напоминание о нашей встрече. Я всё ещё чувствую её повсюду на себе, и под кожей гудит электричество, пока желание пробивается сквозь гнев. Рык вырывается у меня из горла, и я отворачиваюсь, направляясь к сво-

ей машине. Я ни за что не смогу оставаться на гала, пропахнув ею насквозь, не тогда, когда каждый вдох будоражит мои чувства, а тело жаждет большего.

Я забираюсь на водительское сиденье и хлопаю дверь, сжимая и разжимая пальцы на руле. Эта соблазнительная смесь апельсина, мёда и ванили витает в замкнутом пространстве, и я вдыхаю её полной грудью, пока мой волк воет в сознании. Он хочет преследовать её, завладеть ею, но я заставляю его отступить. Она не наша предначертанная пара.

Визг шин, когда я срываюсь с места на парковке, помогает немного ослабить бешеную энергию, что ведёт войну между нами. Мне нужно убраться отсюда, подальше от воспоминаний о её мягкой коже и о том, как она прижималась ко мне. Мне нужно прочистить голову и понять, что, чёрт возьми, только что произошло.

Пока я мчусь по тёмному шоссе, в моей голове роятся вопросы, но один из них не даёт покоя: как мне сделать так, чтобы это больше никогда не повторилось?

Мои костяшки побелели от того, как сильно я сжимаю руль, и я скриплю зубами, сдерживая рычание. Я не позволю, чтобы им это сошло с рук. Какую бы игру они ни затеяли, я всё выясню. И когда выясню, они за это заплатят.

Я мечусь по гостиничному номеру, как волк в клетке, а по коже бегают мурашки от неуёмной энергии, которую я, кажется, не в силах развеять. Каждый нерв горит, сверхостро

ощущая её стойкий запах, вьевшийся в меня – сводящее с ума напоминание о соблазнительной блондинке в саду.

Ава.

Её имя звучит в моём сознании как рычание, от которого мой волк пробуждается с неутолимым голодом. Я всё ещё чувствую её вкус на языке, всё ещё ощущаю тепло её тела, прижатого к моему, мягкие изгибы, повторяющие контуры твёрдых мышц. Одного этого воспоминания достаточно, чтобы желание заклокотало внизу живота, – ноющая потребность, требующая утolenия.

С рыком разочарования я одним движением руки смахиваю с комода лампу, и та с приносящим удовлетворение звоном стекла и керамики разлетается на полу. Но этого недостаточно, чтобы унять бушующую во мне бурю. Затем я набрасываюсь на стул, опрокидывая его яростным ударом. И всё равно напряжение лишь нарастает, скручиваясь, как пружина, готовая вот-вот лопнуть.

Что они со мной сделали? Какую грёбаную магию использовала стая Блэквуд, чтобы я реагировал на Аву, как на пару? Я никогда прежде не чувствовал ничего подобного – всепоглощающую потребность заполучить и обладать, пометить её как свою самым первобытным способом.

И она ответила. Я чувствовал запах её возбуждения, видел, как она выгибалась навстречу моим прикосновениям, постанывая от желания. Мне потребовалась каждая капля силы воли, чтобы не сорвать это маленькое чёрное платье с

её тела и не взять её прямо там, в саду.

От этой картины я стону, вцепляясь пальцами в волосы в борьбе с этим нутряным влечением. Это не я. Я не теряю контроль вот так. Но эта девушка... эта хрупкая девчонка с её широко распахнутыми голубыми глазами и этими проклятыми очками... она пробудила во мне нечто, о существовании чего я даже не подозревал.

Стук в дверь становится желанным избавлением от мучительных мыслей. Я рывком распахиваю её, готовый обрушить шквал ярости на любого, кто осмелился меня потревожить, и вижу на пороге Келлана. Он окидывает взглядом разгромленную комнату и приподнимает бровь.

– Всё в порядке?

– А ты как, чёрт возьми, думаешь? – рычу я, отступая, чтобы он вошёл. – Ты не предупредил меня, что я выслеживал Аву Грей.

Келлан пожимает плечами, отпинывая с дороги разбитую лампу. – Я сказал тебе, что Блэквуды привезли двух дочерей. Я не думал, что ты не узнаешь младшую, или что для тебя это станет проблемой.

У меня вырывается короткий безрадостный смешок. – Проблемой? Это ещё мягко сказано.

Опираясь руками на спинку перевернутого стула, я борюсь за самообладание. Я не могу позволить Келлану увидеть, насколько я потрясён, как глубоко Ава на меня повлияла. Как мой заместитель, как мой друг, он почувствует сла-

бость и попытается ею воспользоваться. У нас так принято.

Когда я снова обретаю уверенность, что держу себя в руках, я поворачиваюсь к нему. – Докладывай. Что произошло после того, как я уехал?

Взгляд Келлана спокойный, оценивающий. Он знает, что что-то не так, но достаточно умён, чтобы не давить сейчас. – Блэквуды немного пообщались с гостями, но ничего необычного. Никакие конкретные контакты не привлекли их внимания. Я не спускал с них глаз, пока они не уехали.

– А Ава?

На его лбу появляется лёгкая хмурая складка. – Она уехала сразу после тебя. Села в такси и уехала.

Волк внутри меня воет при мысли о том, что она там одна, незащищённая. Желание выследить её, чтобы защитить, почти непреодолимо. Я стискиваю зубы и подавляю его.

– Я хочу, чтобы ты выяснил о ней всё, что сможешь, – рычу я. – Где она живёт, с кем общается, любые слабости, которые мы можем использовать. Они что-то сделали, чтобы я реагировал на неё, будто она моя пара. Я хочу знать, что это, чтобы я мог это уничтожить.

Глаза Келлана на мгновение расширяются – единственный внешний признак его удивления. Мы оба знаем, что означает связь пары, неважно, насколько искусственно она создана. Это даст стае Блэквуд рычаг давления, способ контролировать и манипулировать мной.

Только через мой труп.

– Считай, что уже сделано, – говорит Келлан с серьёзным кивком. – Я займусь этим лично и доложу, как только у меня появится информация.

Глава 10. Ава: Свобода

Я продержалась два дня, прежде чем сдалась и позвонила Лизе за десять минут до её смены. С первого раза она не ответила, так что я позвонила снова. На этот раз она взяла трубку, и от её раздражённого голоса у меня на глаза навернулись слёзы.

«Алло?» – рявкнул мне в ухо этот чудесный голос, подозрительно и настороженно. Она думает, что я какой-то спамер.

«Привет, Лиз». Каким-то образом мне удаётся прозвучать нормально.

«Ава? Это не твой номер. Потеряла телефон?»

Я ковыряю внутренний шов джинсов, глядя в окно поезда на холмы, виднеющиеся за усыпанным дождевыми каплями стеклом. Я несколько раз пересаживалась на другие поезда и на каждой станции покупала по несколько билетов на случай, если кто-то догадается, как я покинула город. В итоге я проделала странный, запутанный путь, который привёл меня в Вашингтон. «Да. Слушай, если кто-нибудь из моей семьи попытается с тобой связаться... Э-э. Боже, я столько всего не успею объяснить до начала твоей смены, но главное – если моя семья выйдет на тебя, скажи им, что ничего не знаешь. Сохрани этот номер под вымышленным именем. Называй меня Эшли или как-то так».

«Хорошо».

Её мгновенное согласие согревает мне сердце. У меня щиплет в носу, когда несколько слезинок срываются и скатываются по щекам. Этого достаточно, чтобы немного притупить боль в груди, которая никак не уходит, будто пропало что-то важное.

Но это ведь просто у меня в голове, да?.. Если бы он был моим предначертанным партнёром, он бы никогда так на меня не посмотрел. Я никогда не слышала, чтобы предначертанный ненавидел свою пару. Даже жестокие.

Но я знаю – это так. Я это костями чувю. Чёрт побери.

«Я, э-э, сбежала из дома. Долго рассказывать. Я не вернусь. Моя семья так просто меня не отпустит». А может, они просто будут рады от меня избавиться. Было бы неплохо. Я жду её ответа, но его нет. От молчания Лизы по моему животу расползается тревога, а горло сжимает смертельная хватка. «Лиз?»

«Да, я здесь. Я просто в шоке. Не могу поверить, что ты сбежала. Хочу сказать «поздравляю», но не уверена, не будет ли это бестактно. Когда ты вернёшься? Через месяц? Два?»

Я кусаю губу. «Никогда».

«Никогда?!»

«Есть вещи, которых я тебе никогда не рассказывала, и я обещаю, что всё объясню. Но первое – самое важное. Я не человек, Лиз. Во всяком случае, не совсем. Вся моя семья – мы оборотни. Я из стаи Блэквуд, и мой отец там бета».

«Блэквуды – это оборотни-волки, так ведь? Те, что правят всей этой территорией?» Её голос стал выше, чем обычно, но по крайней мере она не кричит.

Я издаю тихий утвердительный звук, и она снова замолкает. «Прости, что не сказала тебе», – шепчу я, и по спине пробегает дрожь отчаяния. Что, если она больше не захочет со мной разговаривать? Я знаю, что несколько дней назад уже оплакивала её, будто потеряла навсегда, убеждая себя, что должна оставить её ради её же безопасности. Но после всего... мне нужен друг. Кто-то на моей стороне. Тот, с кем можно поговорить. Тот, кому не всё равно.

Из телефона доносится сдавленный смешок. «Подруга, да мне вообще на это плевать. Я просто... перевариваю. Боже мой. Блэквуды. Неудивительно, что ты говорила, будто никогда не сможешь съехать».

«Угу».

«И поэтому ты просто... сбежала. И, кстати, несколько дней не отвечала на мои сообщения».

От чувства вины я вжимаю голову в плечи, становясь похожей на черепаху. «Знаю. Прости. Я избавилась от телефона и подумала, что не стоит с тобой связываться, на случай, если они... ну. На всякий случай».

«Думаешь, они станут... Ой, чёрт, подожди. Черт, сюда только что заглянула Шелби и уставилась на меня. Мне нужно отмечаться на работе. Слушай, Эйв. Я сохраню твой номер, и мы обязательно поговорим, хорошо? Мне купить дру-

гой телефон на случай, если они, типа, поставят мой на прослушку или что-то в этом роде? Они могут так сделать? Я знаю, они контролируют полицию и всё остальное в округе».

Я не могу сдержать вырвавшийся истерический смешок. «Понятия не имею. О, Боже. Надеюсь, что не могут. Я купила левый телефон. Может, и тебе стоит».

«Я заскочу в магазин по пути домой. Ты сейчас в безопасности? Боже, Шелби прямо здесь. Мне пора, но я должна знать, что ты в безопасности».

Я киваю, хотя она и не видит. «Я в безопасности», – обещаю я, надеясь, что не ошибаюсь.

«Хорошо. Люблю тебя, подруга. Позвоню, как только смогу».

Улыбка, первая за несколько дней, трогает уголки моих губ. Вот почему я сдалась. Именно это было нужно моему разбитому, кровоточащему сердцу. Любовь. Не отвержение. Не моя семья. Не он. «Знаю. Я тоже тебя люблю».

Я смотрю на телефон ещё долго после того, как Лиза вешает трубку, а в голове у меня карусель. Поезд качается подо мной, его мерный ритм разительно контрастирует с хаосом внутри. Я всё ещё не уверена, как далеко бежать и где безопасно. Влияние стаи Блэквуд простирается далеко и широко, её щупальца дотягиваются до каждого уголка Северо-Западных Территорий.

Я снова задумываюсь о том, чтобы совсем покинуть регион и начать всё с чистого листа где-нибудь в другом месте.

Но эта мысль мимолётна, её сменяет мрачное осознание того, что я ничего не знаю о других волчьих стаях. Их территории, их обычаи, их законы – всё это для меня загадка. Я всю жизнь провела в границах стаи Блэквуд, не смея выходить за её пределы. То немногое, что я знаю, касается стай на Северо-Западных территориях.

Моё сердце сбивается с ритма, когда я допускаю другую мысль, в равной степени волнующую и ужасающую. Что, если вообще не искать другую стаю? Что, если я решу жить как человек? От этой идеи по спине пробегает дрожь – смесь страха и предвкушения. Оставить всё, что я когда-либо знала, и прокладывать путь в мире, за которым я всегда наблюдала лишь со стороны...

В этом есть определённая прелесть, обещание свободы, анонимности. В мире людей я не буду Авой Грей, дочь Беты, разочарованием стаи. Я могу стать кем угодно, свободной от ожиданий и осуждения, которые так долго давили на меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.